

ком угнетенных и слабых, защитником их против сильных притеснителей».⁸

В основе пафоса «Жития», строго говоря, отсутствует идея смирения, составляющая сущность христианской идеологии: чтобы это ощутить, достаточно лишь взглянуть на «Житие» как на художественное произведение, чем оно в первую очередь и является, в котором имеет смысл и значение не дидактические рассуждения и комментарии, а живая плоть сам образ.

Итак, в образе Аввакума и в «Житии» в целом отразилось основное противоречие социальной практики и психологии демократических слоев той эпохи — религиозное выражение социального протеста, когда форма часто скрывала содержание и, казалось, выступала на первый план, заслоня существо самого явления. Но объективно в пафосе борьбы, выраженном в «Житии» с предельной страстью, угадывается действительное содержание движения, в сущности своей враждебное религии с ее проповедью покорности и непротivления злу.⁹

В этом, на наш взгляд, ключ к пониманию истинного смысла и значения как идейного содержания «Жития», так и особенностей его демократической формы, ключ к определению важного места этого замечательного и по-настоящему еще не оцененного памятника в истории русской демократической культуры.

И если в демократической литературе XVII в. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» с огромной силой выразила героико-патриотические настроения русского народа, а сатира обнажила нелепости и уродства феодальной жизни, то «Житие» протопопа Аввакума своеобразно отразило трагедию народных масс Руси середины XVII в., что обусловило высокий драматизм его содержания и формы.¹⁰ Вместе с тем, занимая особое место в демократической литературе XVII в., «Житие» протопопа Аввакума перекликается с современной ему сатирой (не случайно так часто Аввакум восклицает: «И смех и горе», сдabривая свое повествование то юмором, то горькой иронией, то сарказмом), а также с другим произведением демократической литературы XVII в. — с «Повестью о Горе-злочастии» (своим интересом к человеку, к превратностям его судьбы, к быту, своей приверженностью к старому, домостроевскому укладу жизни и в то же время невольным свидетельством шаткости старых устоев, своими грустными интонациями, наконец принципиальным обращением к просторечию и к народно-поэтической стихии: в одном случае — к эпическому стиху, в другом — к сказу). Но это уже новая тема, и ей мы надеемся посвятить специальное исследование.

Здесь же мы вынуждены ограничиться самым общим, но, на наш взгляд, очень важным тезисом о принадлежности «Жития» Аввакума к демократической литературе.

⁸ А. К. Бороzdин. Протопоп Аввакум Очерк из истории умственной жизни русского общества XVII в. СПб., 1898, стр. 332.

⁹ Именно этот объективный смысл «Жития», а также некоторых других произведений старообрядческой литературы и делал выраженный в них «религиозный протест опасным... для всего государства феодалов» (См.: Л. Е. Анкудинова. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в. Автореф. канд. дисс., Л., 1951, стр. 10—11).

¹⁰ См. об этом нашу статью: Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957.